

## ВОЛЬТЕР о РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЯХ XVII-XVIII вв.

Французский ежегодник 1960

М.: Наука. 1961. С.370-387

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

[http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio\\_1.htm](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)

Большая подборка материалов о Вольтере - на сводной странице:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>



Объективно Вольтер много содействовал подготовке общественной мысли во Франции к Великой буржуазной революции конца XVIII в. Но каково было его субъективное отношение к надвигавшейся революции? Раньше чем ставить такой вопрос, надо установить, было ли доступно даже передовым мыслителям времен Вольтера сколько-нибудь отчетливое представление о грядущей революции, как и о революции вообще? На этот вопрос ответить нетрудно.

К середине XVIII в. приближение революционной бури во Франции стало настолько очевидным, что ее неизбежность видели даже наиболее оппортунистические представители господствующих классов.

Французский историк Ф. Рокэн отмечает, что к середине и особенно к концу XVIII в. революция была постоянным и обычным предметом разговоров — ее приближение волновало все круги общества. Нужно заметить, что многие общественные деятели, видя силу и размах народных выступлений, довольно точно предсказывали, как она будет протекать.

Еще в 1717 г. представитель старой родовой аристократии герцог де Сен-Симон предупреждал беспечно французское правительство о грозном приближении революционных потрясений: в своей докладной записке регенту он доказывал невозможность созыва Генеральных штатов при столь «бурных обстоятельствах»<sup>1</sup>. С удивительной прозорливостью более чем за 70 лет он предвосхитил ход революционных событий: для него было ясно, что в случае созыва представительного органа отказ последнего от повиновения государю неизбежен. Это послужит началом уже давно готовящегося взрыва. «Прошлые и настоящие бедствия, — писал Сен-Симон, — явятся могучим побуждением, которое, сочетаясь с жаждой свободы, столь распротраченной теперь, и с мыслью о власти, которую каждый присваивает себе, проявится с особой силой в подобном рода собраниях и не встретит возражения ни в ком или лишь в очень немногих»<sup>2</sup>.

«Штаты возвысят свой голос, — продолжал он далее, — возмущенные отказом и неуспокоенные тем, что им будет даровано; гордые завоеванием... они вновь соберутся своевольно и разгорится гибельная борьба, во время которой могут пропихнуть шорядки соседнего королевства»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Сен-Симон. Мемуары, т. II. Academia, 1934, стр. 275.

<sup>2</sup> Там же, стр. 262.

<sup>3</sup> Там же, стр. 264, 258, 263. Сен-Симон имеет в виду Англию.

Другой не менее проникательный представитель дворянства, маркиз Д'Аржансон, правда значительно позднее, в начале 50-х годов, описывая тревожное положение в стране, утверждал, что «нельзя побывать ни в одном доме, чтобы не услышать злословия по адресу короля и его правительства... Все сословия в равной мере недовольны. Все это горючий материал: возмущение может перейти в мятеж, а мятеж в настоящую революцию, во время которой будут избраны настоящие народные трибуны, комитеты, коммуны, а король и его министры будут лишены своего чрезмерного права наносить вред»<sup>4</sup>. «Я знаю, — писал он в другом месте, — что может быть кинут клич к известным людям из народа, за которым последуют запирающие лавочек, баррикады и общее восстание. Известное количество народа соберется в Шатле и станет во главе восстания, которое перейдет на площадь Анпорт-Пари и на рынок: начнется не что иное, как революция»<sup>5</sup>.

Это показывает, что Франция XVIII века знала идею революционного насилия. Рокэн прав, утверждая, что «даже те, которые относились враждебно к насильственным мерам, находили, что при данном положении вещей было бы почти невозможно даже мудрому, уважаемому премьер-министру произвести реформы мирным путем»<sup>6</sup>. Но если господствующие классы, страшась революции, искали путей, чтобы ее избежать, то народные низы рвались к радикальной и смелой ломке старых порядков, оповещая об этом господствующие сословия прокламациями, расклевываемыми даже на стенах Лувра<sup>7</sup>.

Такие идеологи народа, как Ж. Мелье, призывали бедноту к самым решительным действиям, к всеобщему вооруженному восстанию. Революционер-демократ Ж.-П. Марат в своих ранних памфлетах, воспламеняя в народе ненависть к монархам и феодалам, также призывал городские и крестьянские низы к вооруженному восстанию. В памфлете «Цени рабства», в сущности, уже всесторонне рассмотрена идея революционного преобразования французского общества. Революция для Марата — реальная, конкретная перспектива.

Таким образом, положение в стране было настолько тревожным, настолько ясно предвещающим неизбежность взрыва, что это заставило все слои общества искать выход из создавшейся обстановки. Одни старались избежать революции путем реформ и компромиссов, другие призывали к решительному ниспровержению существующих порядков.

Какова же была в этом вопросе позиция Вольтера, грозного и неумолимого борца с феодализмом, патриарха французских просветителей?

Будучи свидетелем огромных перемен в жизни страны, активный участник борьбы с абсолютизмом, католической церковью и феодальными пережитками, идеолог французской буржуазии Вольтер чувствовал и не мог не чувствовать приближение революционных потрясений. «Все, что происходит вокруг меня, — писал Вольтер 2 апреля 1764 г. маркизу Шовелену, — бросает зерна революции, которая наступит неминуемо, но которой я едва ли буду свидетелем. Французы почти всегда поздно достигают своей цели, но... когда-нибудь они все-таки достигнут ее. Свет распространится все больше и больше; вспышка произойдет при первом случае и тогда поднимется страшная сумятица. Счастлив тот, кто молод — он еще увидит прекрасные вещи»<sup>8</sup>.

<sup>4</sup> La France au milieu du XVIII siècle (1747—1757) d'après le Journal du Marquis d'Argenson, Paris, 1898, p. 133 (sept. 1751).

<sup>5</sup> Цит. по: Ф. Рокэн. Движение общественной мысли во Франции в XVIII в. СПб., 1902, стр. 190.

<sup>6</sup> Ф. Рокэн. Движение общественной мысли, стр. 158.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 1—50. Paris, 1877—1885, ed. Moland; vol. 43, p. 175 (à M. le marquis de Chovelin). Далее все сноски даются по этому изданию.

Так под натиском революционных настроений в стране он сам увлекается и мечтает о революции, которая установит новый общественный строй.

Но насколько серьезны были стремления Вольтера к «сумятице»? Хотел ли он действительно вооруженного выступления народа, увлекала ли его, как Марата, мысль об активном участии низов третьего сословия в ломке старого общества? На этот вопрос можно ответить, только проанализировав отношение Вольтера к народным массам и их революционным выступлениям. В частности, много могут дать высказывания Вольтера-историка, и в первую очередь высказывания о революциях, имевших место в прошлом<sup>9</sup>.

До XVIII в. мир по существу знал только одну великую буржуазную революцию — английскую революцию XVII в. (нидерландская революция была более ограниченной и имела локальный характер), и поэтому отзывы Вольтера о ней представляют для нас большой интерес. Нужно отметить, что Вольтер был хорошо знаком с этим революционным взрывом и его отношение к нему было весьма противоречиво. Он с содроганием и ужасом называл английскую революцию «великим мятежом, ..., когда царствовал холодное ожесточение и обдуманная кровожадность»<sup>10</sup>, когда «меч был посредником, а эшафот ожидал побежденных»<sup>11</sup>. Ожесточенная решительная борьба английского народа не вызвала больших симпатий у Вольтера. Но как идеолог прогрессивной буржуазии Вольтер приветствовал установление буржуазного господства в Англии в форме парламентарной монархии, являющейся результатом компромисса между буржуазией и дворянством, создавшей условия для быстрого развития капитализма в стране.

Он с удовлетворением отмечал, что англичане достигли мудрой формы правления, установили справедливую налоговую систему, при которой все члены общества платят налоги, развили торговлю, ограничили королевскую власть и привлекли к управлению государством «порядочных людей».

«Английский народ — единственный народ на земле, который путем борьбы с королями сумел ввести королевскую власть в определенные рамки и после целого ряда усилий установил наконец тот мудрый образ правления, при котором король, имея неограниченную власть творить добро, связан по рукам, если бы он вздумал делать зло, при котором вельможи сильны без насилий и без вассалов, а народ принимает участие в управлении без мятежей»<sup>12</sup>.

Выгодные для буржуазии черты нового режима Вольтер называл свободой. Но как историк он не мог не видеть, что все эти блага достигнуты не только в результате переворота 1688 г. или законодательных актов начала XVIII в., а являются следствием революционных преобразований 40-х годов XVII в. Он готов допустить, что эти блага оправдывают и кровь, пролитую вначале. «Многое, конечно, стоило установить в Англии свободу, понадобились целые моря крови, чтобы утопить идол деспотизма; но англичане не считают, что их свобода куплена дорогой ценой. И другие народы пролили потоки крови, только эти потоки укрепили не их свободу, а их рабство»<sup>13</sup>. Как мы видим, Вольтер приветствует приход буржуазии к политической власти, пусть даже посредством крови. Сравнивая граж-

<sup>9</sup> Мы не будем излагать высказывания Вольтера в порядке хронологии его произведений, а постараемся рассматривать его идейное наследие как целое. Это не исключает того, что могут быть прослежены и известные изменения взглядов на революцию в течение его долгой жизни, однако эти изменения не представляются нам коренными. Скорее речь может идти о некоторых колебаниях и оттенках в разные моменты.

<sup>10</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 192.

<sup>11</sup> Ibidem.

<sup>12</sup> Ibid., vol. 22, p. 103.

<sup>13</sup> Ibid., p. 104.

данские войны во Франции и Англии, Вольтер пишет: «Гражданские войны во Франции были продолжительнее, кровопролитнее и обильнее преступлениями, чем в Англии, но ни одна из этих войн не имела своей целью сколько-нибудь разумную свободу»<sup>14</sup>. «То, что в Англии оказалось революцией, в других странах считалось бы простым мятежом», — замечает он<sup>15</sup>. И даже утверждает, что «если плодом гражданских войн в Риме было рабство, то результатом английских смут — свобода»<sup>16</sup>.

Таким образом, в целом Вольтер допускал, что к завоеванию власти иногда можно прийти путем борьбы и даже ценой тяжелых кровопролитий. Но обращаясь мыслью к революционным истокам событий, завершившихся мирным компромиссом буржуазии с дворянством, направленным против народа, Вольтер и здесь идеализирует преимущественно те черты, которые как бы предвосхищают любезную ему «мудрую свободу» XVIII в.

В этом отношении весьма интересен взгляд Вольтера на казнь английского короля Карла I. Хотя и не одобряя террористических актов против государей, он был (особенно в молодости) сторонником столь распространенной в XVI и XVII вв. теории монархомахов, оправдывавшей убийство тиранов. Еще в своей первой трагедии «Эдип» Вольтер сорвал с персоны монарха священные покровы, заявив, что король такой же человек, как и остальные люди, и ему так же, как и всем, присущи и хорошие и дурные качества. В «Бруте», «Смерти Цезаря», а также отчасти в «Истории Карла XII» нашли яркое выражение тираноборческие мотивы. В этих произведениях молодой Вольтер, перечисляя преступления, совершенные властителями против народов, заявлял, что если государь злоупотребляет властью или не заботится о процветании родины и о благе своего народа, он должен быть свергнут и даже может быть убит. Поэтому, симпатизируя и сочувствуя Карлу I как человеку, сожалея о его ужасной участи, Вольтер логически приходит к оправданию вынесенного ему приговора. Он признает, что Карл I оказался тираном, который «хотел поставить свою власть выше закона»<sup>17</sup>, за что англичане, уличив его в преступлениях против народа, с полной беспристрастностью осудили как обычного государственного преступника и изменника. Вот как он это описывает в «Веке Людовика XIV»: «Король, взятый с оружием в руках, предстал перед судилищем, уличен в злоупотреблении властью, приговорен и казнен на глазах у народа с соблюдением обычного ритуала как обыкновенный преступник»<sup>18</sup>. По поводу суровости приговора Вольтер замечает: «Во Франции больше всего упрекают англичан в казни Карла I..., но с ним победители поступили так же, как поступил бы он сам, если бы счастье было на его стороне»<sup>19</sup>. И, конечно, расправа короля со своими подчиненными считалась бы справедливостью, тогда как наказание короля-тирана называют преступлением, иронизирует Вольтер. Но в Англии происходила настоящая битва решительных и смелых подданных со своим повелителем, не оправдавшим их надежд. В истории же было много случаев, когда те, кто упрекал англичан в жестокости, коварстве и несправедливости, поступали во много раз хуже. Как можно охарактеризовать поступки неблагодарных французов, которые убивали исподтишка добродетельнейших королей, среди которых был Генрих IV? Как могут они после этого осуждать суд и убийство короля-тирана! «...Сравните, — говорит Вольтер, — с одной стороны, Карла I, который был побежден в настоящем сражении, взят в плен, подвергнут суду,

<sup>14</sup> Ibidem.

<sup>15</sup> Ibidem.

<sup>16</sup> Ibid., p. 103.

<sup>17</sup> Ibid., vol. 14, p. 164.

<sup>18</sup> Ibid., p. 192.

<sup>19</sup> Ibid., vol. 22, p. 104.

приговорен в Вестминстере и обезглавлен, а с другой стороны, — императора Генриха VII, отравленного своим капелланом, Генриха III, убитого монахом, 30 замысливавшихся покушений на Генриха IV, из которых некоторые были осуществлены, пока последнее не лишило Францию этого великого короля. Взвесьте все эти преступления и судите»<sup>20</sup>.

Подчеркнем, что великий просветитель, хотя и не осуждал казнь Карла I, никогда не призывал народ к убийству неугодных ему королей. По его мнению, приговорить к казни государя и тем более привести приговор в исполнение могут либо лица, специально на то уполномоченные, либо представительное учреждение, типа английского парламента или сената древнего Рима. По своей сущности эта теория была также заимствована у монархотворцев XVI—XVII вв., поскольку Вольтер, как и последние, допускал возможность расправы с неугодными государями только волею имущих сословий. Как и они, он не допускал мысли, что в подобном мероприятии могут принимать широкое участие народные низы. Поэтому он постоянно подчеркивал, что Карл I был судим в Вестминстере по всем правилам и с тщательным соблюдением законности. Такой порядок осуждения короля на казнь парламентом нисколько не пугает Вольтера.

В связи с этим интересно отношение Вольтера и к Кромвелю. Лорд-протектор вызывал неприязнь, даже враждебность в Вольтере «своим варварством» и «зверской дерзостью, которая все приносит в жертву своим выгодам»<sup>21</sup>. Он с ужасом говорит о кровопролитиях и злодеяниях этого «узурпатора престола», притворщика и лицемера, «который, прикрывшись личиной веры, с мечом в одной руке и евангелием в другой поработил Англию»<sup>22</sup>. Но Кромвель, вызывая осуждение Вольтера, в то же время неудержимо привлекал его силой характера, целеустремленностью и, главное, мудрой внешней и внутренней политикой, приведшей Англию на вершину ее могущества и расцвета. «Никогда Англия не была так богата, — пишет он, — никогда торговля ее не пользовалась такой свободой и не была в таком цветущем состоянии. Победоносные флоты заставили уважать ее имя на всех морях... Европейские державы, презиравшие Англию при Якове I и Карле I, добивались ее дружбы при протекторе... Мазарини и Дон Гаро, желая иметь протектора союзником, наперебой изошрялись в политике»<sup>23</sup>. Как видим, активную внешнюю политику Кромвеля, всецело направленную на утверждение интересов английской буржуазии, Вольтер оценивал особенно высоко.

Впрочем, восторженно характеризовал он и многие стороны внутренней политики лорда-протектора. Несмотря на глубокие корни антипатии Вольтера к Кромвелю как революционеру, он восхищался тем, что этот «простой гражданин... постигший науку царствовать... был достойным похитителем престола»<sup>24</sup> и в управлении государством проявил «качества великого короля»<sup>25</sup>.

Таким образом, Вольтер видел положительную сторону политики Кромвеля в том, что он, сокрушив монархию Карла I, уже в той или иной мере подготавливал реставрацию монархии. В лице Кромвеля Вольтер одобрял не разрушительную силу революции, а власть новую и сильную, однако умеренную и просвещенную по отношению к подданным: «Он утвердил власть свою, умея обуздать ее в случае надобности, не отнимал прав, которые народ почитал своей драгоценностью, не вводил войск в Лондон, не

<sup>20</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 22, p. 105.

<sup>21</sup> Ibid., vol. 14, p. 215.

<sup>22</sup> Ibid., p. 165.

<sup>23</sup> Ibid., p. 210.

<sup>24</sup> Ibid., p. 215, 209.

<sup>25</sup> Ibid., p. 165.

палагал невыносимых налогов, не раздражал народ пышностью, не позволял себе никаких удовольствий, не собирал сокровищ, старался, чтобы правосудие соблюдалось с беспристрастием, равным для сильного и для слабого»<sup>26</sup>. Вольтер с похвалой отмечал, что протектор «был справедлив к народу и жесток по отношению к врагам»<sup>27</sup>. Но здесь под «народом» Вольтер подразумевал «шорядочных людей». А под врагами — не только сторонников свергнутых Стюартов, но и общественные низы, волнения и мятежи которых лорд-протектор беспощадно подавлял вооруженной рукой.

Итак, Вольтер симпатизировал только периоду военной диктатуры Кромвеля, когда тот, если воспользоваться сравнением Энгельса, превратился из Робеспьера в Наполеона английской революции<sup>28</sup>. Когда же Вольтер говорил о Кромвеле, как «идоле народа»<sup>29</sup> и руководителе «великого мятежа», он с неприязнью и отвращением обвинял его в варварстве и кровожадности.

Мы видим глубокую противоречивость высказываний Вольтера об английской революции 40-х годов XVII в., отражающих противоречивые тенденции самой этой революции. Приветствуя ее как первую ступень к установлению в Англии буржуазных порядков, он не нашел слов в пользу исторического примера смелой и решительной борьбы низов английского народа. Поэтому в целом он все же строго осуждал это грозное время.

С гораздо большей симпатией относился Вольтер к реставрации Стюартов в 1660 г., считая этот период началом восстановления нормальной жизни. Но особой любовью пользовалась у Вольтера «славная революция», т. е. переворот 1688 г. — компромисс крупных помещиков и промышленников, который он, в отличие от «ужасного мятежа», считал поворотным пунктом в истории Англии: «С этого периода началась настоящая воляность англичан»<sup>30</sup>. Для него Вильгельм Оранский всегда оставался «избавителем Англии»<sup>31</sup>, никогда и нигде не называл он его ни узурпатором, ни тираном, из всех сил стараясь оправдать в глазах потомства свержение им Якова II. Вольтер симпатизировал Вильгельму Оранскому потому, что тот получил власть в результате бескровного переворота без участия народа, но, по словам Вольтера, «в интересах народа»<sup>32</sup>.

Основной государственный закон, так называемый «билль о правах» 1689 г., ограничивавший права короля в пользу парламента, в котором заседали представители имущих классов, в том числе и буржуазии, вызвал восторженную оценку Вольтера, видевшего в этом законе самое основное завоевание революции<sup>33</sup>.

Таким образом, все симпатии Вольтера были на стороне переворота 1688 г., который был осуществлен имущими классами. Напротив, революционный взрыв 40-х годов вызывал, несмотря на наличие у Вольтера ряда положительных отзывов о нем, в целом отрицательное отношение. Несомненно, такое отношение объясняется тем, что это был период подлинно революционной ломки, период решительной и ожесточенной борьбы низов английского народа.

Проверим эти выводы на оценках, даваемых Вольтером народным движениям в других странах.

Нужно отметить, что великий просветитель, вопреки установившемуся мнению о том, что в своих исторических сочинениях он был занят

<sup>26</sup> Ibid., p. 210.

<sup>27</sup> К. Н. Державин. Вольтер. М., 1946, стр. 271.

<sup>28</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 602.

<sup>29</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 297.

<sup>30</sup> Ibid., p. 298.

<sup>31</sup> Ibidem.

<sup>32</sup> Ibid., p. 321.

<sup>33</sup> Ibid., p. 322.

исключительно государями и их политикой, довольно много внимания уделял народным движениям. Как историк он был хорошо знаком с целым рядом массовых выступлений народа. Его интересовали не только народные восстания во Франции. В его произведениях и переписке мы находим многочисленные отклики на движения угнетенных классов Германии, Италии, Польши, Испании, России, Персии и т. д. И во всех упоминаниях Вольтера о народных выступлениях в той или иной мере выражено неприязненное отношение к ним. Он неизменно четко обособлял внутри третьего сословия «добропорядочных буржуа» и простонародье, к которому он относил всех неимущих, называя их «чернью».

Любые самостоятельные выступления этих бедняков на исторической сцене вызывали антипатию «фернейского патриарха». Так, о действиях народных лизов в политических битвах 1672 г. в Голландии Вольтер писал с нескрываемой неприязнью: «Необузданная чернь умертвила в Гааге обоих братьев Виттов. Народ показал ужасное неистовство над их окровавленными телами — неистовство, которое свойственно народу повсюду»<sup>34</sup>.

В несколько ином тоне, с холодной отчужденностью летописца, выносящего приговор именем истории, пишет Вольтер о восстании крестьян в России под руководством Степана Разина, называя его «бродягой» и «бунтовщиком»<sup>35</sup>. «Царствование Алексея Михайловича возмущаемо было кровоизлитиями мятежами, внутренними и внешними войнами. Атаман донских казаков Стенька Разин сделался царем Астраханским; долго был он опасным, но, наконец, пойман и казнен, как и все ему подобные, для которых между тронem и эшафотом никогда нет середины. Около двенадцати тысяч его сообщников повешены, как говорят, на большой Астраханской дороге»<sup>36</sup>.

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева, как и следовало ожидать, также вызвала отрицательную характеристику Вольтера. Он называл восстание «шутовской комедией»<sup>37</sup>, а его руководителя, то ли доверяя официальной версии Екатерины II, то ли с прощеньем и издевкой «господином маркизом»<sup>38</sup>, взбунтовавшим «бродяг и злодеев»<sup>39</sup>. С радостью уповая на прогресс и просвещение в России, Вольтер отмечает, что «мы живем уже не во времена Дмитрия Самозванца, а поэтому комедия, которая 200 лет назад была сыграна с успехом, теперь будет осмистана»<sup>40</sup>.

Чрезвычайно враждебен Вольтер и к религиозным движениям, между прочим и по той причине, что они нередко охватывали широкие слои. Этот неутомимый борец с католической церковью, призывавший использовать в борьбе с ней все средства, не только не симпатизирует ересям, но решительно выступает против этого грозного врага католической церкви. Он отмечает, что религиозные столкновения были столь кровопролитны в прошлом только потому, что в них участвовали общественные низы: «Чем объяснить, что всякие кальвинисты, лютеране, анабаптисты, несториане, ариане, приверженцы Рима и враги Рима проливали столько крови, были так жестоки и несчастны, преследовали других и сами подвергались гонениям? Потому что это была чернь»<sup>41</sup>. Представление о «черни» для Вольтера неотделимо от мысли о фанатизме, нетерпимости, изуверстве.

<sup>34</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 257—258.

<sup>35</sup> Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, кн. 2. М., 1809, стр. 7.

<sup>36</sup> Там же, стр. 145.

<sup>37</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 48, p. 557 (2 février 1774 à Catharine II).

<sup>38</sup> Ibid., vol. 49, p. 93, 94 (6 octobre 1774 à Catharine II).

<sup>39</sup> Ibid., vol. 48, p. 558 (2 février 1774 à Catharine II).

<sup>40</sup> Ibid., p. 557.

<sup>41</sup> Ibid., vol. 17, p. 459, Athènes.

Наиболее антипатична была Вольтеру реформация, в частности и потому, что в ней принимали активное участие крестьянские массы и городская беднота. Помимо религиозного фанатизма, который он видел здесь, как и во всяком религиозном движении, его отталкивала в реформации и социальная сторона. Неприязненно относясь к Лютеру и Кальвину, которых Вольтер упрекал в религиозной нетерпимости, с особой суровостью он осуждал Томаса Мюнцера и других вождей крестьянского движения за проповедь равенства. Соглашаясь с Мюнцером в том, что люди рождены равными, он указывал, что распространение этой истины среди народных низов чрезвычайно опасно. Его беспокоила и приводила в ужас решительность и самоотверженность «дикарей» (как он называл бедноту), которые, «настаивая на правах рода человеческого», боролись за них в Германии XVI в. «как дикие звери»<sup>42</sup>.

Вольтер не раз извлекал из изучения истории вывод о том, что движения народа, начавшиеся под знаменем религиозных споров, могут перерасти религиозные рамки. Так, он отмечал, что английская революция, начавшись с религиозных распри («Карл I хотел переменить веру в Шотландии»), вскоре переросла в кровопролитнейшую гражданскую войну за политическую власть в стране<sup>43</sup>. А в «Веке Людовика XIV» он отмечал, что в восстании камизаров 1702—1704 гг., вызванном политикой религиозной нетерпимости, повстанцы наряду с лозунгом «свобода совести» тотчас выдвинули лозунг «никаких налогов»<sup>44</sup>. Эти требования, пишет Вольтер, «обильщали чернь»<sup>45</sup>, которая начала жестокую расправу со своими угнетателями, вешая в первую очередь сборщиков податей<sup>46</sup>.

Итак, Вольтер видел, что в еретических движениях под религиозным покровом выдвигались иногда в довольно неясной форме, а иногда достаточно откровенно социально-экономические требования. Поэтому даже в истории борьбы с ненавистной ему «гадиной» Вольтер почти черной краской писал все те страницы, когда восстание перерастало религиозные рамки и в эту борьбу широко вовлекался народ.

Его неприязнь к народным движениям не носила отвлеченный характер, не была чисто психологической брезгливостью к «черни». Вольтер-историк превосходно знал, как протекают массовые революционные выступления. Вот как он описывает действия бедноты во время Фронды в Париже: «Лавки закрыли, протянули железные цепи, которыми запирали тогда большие улицы, наскоро соорудили баррикады и 400 тысяч голосов закричали „Свобода“»<sup>47</sup>. С ужасом отмечает Вольтер, что «ветреный и бешеный народ почел всякое буйство дозволенным»<sup>48</sup>. Народ не только оскорблял королеву, обвиняя ее во всех несчастиях и распевая о ней непристойные песенки, но и вступил в бой с правительственными войсками, норовя расправиться даже с королем и всеми придворными. С явным намерением внушить читателю чувство тревоги описывает Вольтер падение восставшей толпы на канцлера Сегье<sup>49</sup>, уличные бои, когда «в одну минуту были построены баррикады, поставленные не далее ста шагов от королевского дворца»<sup>50</sup>. Устрашая читателя жуткой картиной расправы обезумевших от ярости

<sup>42</sup> Р. Ю. Виппер. Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв. СПб., 1900, стр. 51.

<sup>43</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 164.

<sup>44</sup> Ibid., vol. 15, p. 35.

<sup>45</sup> Ibidem.

<sup>46</sup> Ibid., p. 34.

<sup>47</sup> Ibid., vol. 14, p. 186.

<sup>48</sup> Ibid., p. 188.

<sup>49</sup> Ibid., p. 186.

<sup>50</sup> Ibidem.



стрельцов с ненавистными боярами в России<sup>51</sup>, Вольтер поднимается до обобщения, утверждая, что и в любой другой стране угнетенный народ также стремится расправиться со своими угнетателями. Он пишет о «ярости, общей для всех наций, подобной той, которую французы показали над телом маршала Д'Анкра, адмирала Колиньи и других»<sup>52</sup>. Вольтер неоднократно подчеркивал, что расправа народа с притеснителями всегда происходит по одному образцу, потому что «чернь везде одинакова»<sup>53</sup> и подобные «ужасы свойственны всем землям во времена мятежей и безначалия»<sup>54</sup>.

Вольтер напоминал своим читателям, что во время Фронды народ, строя баррикады, разбирая мосты, чтобы помешать въезду королевских войск, каждую минуту был готов «взяться за оружие и тотчас же выбрать себе предводителя, как это сделали в Неаполе»<sup>55</sup>, имея в виду восстание неаполитанской бедноты под руководством Мазанелло в 1647 г. Вольтер отмечал, что только «магистраты смогли удержать народ от такого ужасного поступка»<sup>56</sup>. И если в период Фронды «государственным людям» удалось удержать народ от кровопролития, то в будущем это может не получиться, так как «ход событий в этом мире не всегда согласуется с желанием мудрейших людей»<sup>57</sup>. Даже в мирное время при сильной государственной власти «короля-солица» Людовика XIV «глупая чернь хотела уже после смерти растерзать тело»<sup>58</sup> «гениального Кольбера»<sup>59</sup>. Тем более в случае революции восставший народ не только может, но и наверняка начнет во Франции такую же расправу, как расправились с «добропорядочными людьми» голландские повстанцы в дни нидерландской революции или московская беднота с митрополитом в 1771 г.<sup>60</sup>

Но мы не должны забывать, что для Вольтера как буржуазного идеолога XVIII в. характерно противоречивое отношение к народным массам и их выступлениям на исторической сцене. Он прекрасно видел тяжкое положение народа, особенно крестьянства (этому способствовала долгая жизнь в провинции). К задавленному нуждой и голодом народу Вольтер относился с глубоким сочувствием и симпатией. Гневно звучал его голос в написанном от имени крестьян «Прошении ко всем должностным лицам», в котором он описывал страшную жизнь крестьянства, полную нищеты и бедствий<sup>61</sup>. Вольтер был одним из первых, кто потребовал освобождения крестьян, одним из первых, кто выступил за отмену феодальных повинностей и тяжелых государственных налогов. Всю жизнь он настойчиво боролся за это. Он неоднократно обращался и к королю и к ряду государственных деятелей с требованием изменения тяжелых условий крестьянской жизни.

Но эта настойчивая борьба Вольтера за освобождение крестьян была вызвана не одним только сочувствием к их тяжелому положению. Вольтер предупреждал господствующие слои общества, что если крестьяне не получат освобождения из рук правительства, то они освободят себя сами. «Народ разорвет свои оковы... Тысяча ударов тарана не могла потрясти

<sup>51</sup> Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, кн. 2, стр. 156.

<sup>52</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 258.

<sup>53</sup> Ibidem.

<sup>54</sup> Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, стр. 156.

<sup>55</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 184.

<sup>56</sup> Ibidem.

<sup>57</sup> Вольтер. Избранные произведения. М., 1938, стр. 69.

<sup>58</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 518.

<sup>59</sup> Ibid., p. 498.

<sup>60</sup> Ibid., vol. 47, p. 544 (18 novembre 1771 à Catharine II).

<sup>61</sup> Ibid., vol. 28, p. 341.

коLOSSа, один камень повалит его на землю»<sup>62</sup>. Это высказывание не случайно. Народ для Вольтера — это активная сила<sup>63</sup>. Более того, эта сила иногда способна даже изменять ход истории, а поэтому с ней пужно считаться.

Так, в своем раннем произведении «История Карла XII» он отмечал, что основатель династии Ваза в Швеции и Польше Густав I смог захватить королевскую власть только при поддержке народа, который восстал против господства датчан и шведских феодалов<sup>64</sup>. Анализируя события Фронды, Вольтер нисколько не сомневался, что «если бы принц Конде привязал к себе жителей Парижа, он мог бы стать во главе королевства и ...двор пропал бы»<sup>65</sup>. Вольтер был уверен, что успех любого предводителя, какими бы он ни обладал талантами, зависит от поддержки народа. По его мнению, Кромвель одержал победу над Карлом I исключительно потому, что его любил народ, а вожди Фронды потерпели поражение, так как перестали быть «обожяемы чернью»<sup>66</sup>. Бывают случаи, указывал он, когда под давлением народа правительства вынуждены принимать решения, как это было в Англии в конце 30-х годов XVIII в.: «Крик народа заставил решиться парламент и короля. В конце 1739 г. торжественно была объявлена война Испании»<sup>67</sup>. Под давлением подданных не только начинаются войны или заключаются перемирия, но и меняются формы правления, как это было в Голландии: «Голландский народ два раза восстанавливал штатгальтерство, которое правительство намеревалось истребить»<sup>68</sup>.

Поэтому в глазах Вольтера народные восстания всегда были большим и серьезным испытанием для государства. «Один кровельщик и один священник, — говорил он, имея в виду крестьянскую войну под предводительством Уота Тайлера и Джона Болла, — наделали в Англии не меньше хлопот, чем могут наделать раздоры королей и парламентов»<sup>69</sup>.

Видя в народе силу, способную добиться своей цели, Вольтер требовал от правительства разумной политики. Он умолял правительство по возможности удовлетворять требования бедноты, так как считал, что усмирить восстание гораздо труднее, чем предотвратить его. Он приводил в пример восстание камизаров, которое, несмотря на всю жестокость, не могла усмирить королевская армия во главе с тремя маршалами. Только хитрость маршала Виллара спасла Францию от этого длительного и разорительного мятежа<sup>70</sup>. Отмечая трудности подавления восстания, которые Вольтер всегда считал бедствием для государства, он просил правительства быть внимательными к требованиям бедноты. Так, он предлагал отменить часть непосильных налогов, так как, исходя из примеров прошлого, считал, что большинство восстаний было вызвано тяжелым налоговым гнетом.

Правда, основой революционных движений Вольтер считал какой-то мятежный дух, избегая точно говорить о причинах восстаний. Но как наблюдательный историк он не мог не заметить, что тяжесть налогов и ужасные условия жизни часто бывали непосредственным поводом недовольства. «Не все бедняки являются несчастными, — писал он. — Большинство их ро-

<sup>62</sup> Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги, т. II. М.—Л., 1931, стр. 198.

<sup>63</sup> Неправа В. И. Засулич, которая считает, что народ для Вольтера — бесформенная и инертная масса (В. Засулич. Вольтер. СПб., 1909, стр. 149).

<sup>64</sup> Вольтер. История Карла XII. СПб., 1913, стр. 20—21.

<sup>65</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 195.

<sup>66</sup> Ibid., p. 191, 205.

<sup>67</sup> Ibid., vol. 15, p. 205.

<sup>68</sup> Ibid., vol. 15, p. 280.

<sup>69</sup> Сб. Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. академика В. П. Волгина. М.—Л., 1948, стр. 178.

<sup>70</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 15, p. 35—36.

дилось в этом состоянии и постоянная работа мешает им почувствовать как следует их положение, но когда они его чувствуют, тогда мир видит войны, подобные войне народной партии против партии сената в Риме, войны крестьян в Германии, в Англии, во Франции»<sup>71</sup>. Вольтер при этом иногда высказывал сочувствие крестьянам, поднявшимся на борьбу. Подчас он оправдывал их жестокость при расправе с угнетателями, считая, что она являлась ответом на притеснения и жестокость последних. Вот как он описывает борьбу королевских войск с восставшими камизарами: «Он (маршал Монревель) вел с этими несчастными войну с жестокостью, которая превосходила их зверства. Схваченных крестьян колесовали и сжигали. За это и солдаты, попадавшие в руки мятежников, бесчеловечно умерщвлялись»<sup>72</sup>.

Но в целом Вольтер видел в народе необузданную силу, готовую пойти на самые крайние меры для своего освобождения. Поэтому он и требовал для народа постоянной узды, заявляя, что «чернь никогда не руководствуется рассудком и на нее надо надевать намордник, как на медведей»<sup>73</sup>. «Чернь,— писал он — это хищный зверь, которого должно держать на цепи страхом виселицы и ада»<sup>74</sup>. И поэтому Вольтер требовал решительности от государственных органов. «Нужно поселять страх, показывая всю жестокость различных казней для того, чтобы держать народ во всегданнем повиновении»<sup>75</sup>,— говорил он. Фернейский патриарх, защищавший угнетенных до тех пор, пока они не начинали защищать себя сами, положительно оценивал расправу Петра I с восставшей астраханской беднотой в 1705 г.<sup>76</sup> А своей коронованной корреспондентке он настоятельно советовал за убийство московского митрополита подвергнуть восставших, которых он называет «легкомысленными варварами, изуверами и пьяницами», жестокому наказанию, «которое заставило бы призадуматься их глупые башки»<sup>77</sup>. Во имя общественного спокойствия он призывал правительства чрезвычайно сурово расправляться даже с малейшим неповиновением или недовольством в стране. В этом отношении весьма показательна позиция Вольтера по поводу подавления восстания под руководством Емельяна Пугачева. Получая отрывочные сведения об этом восстании от Екатерины II, которая нарочито небрежно отзывалась о нем, Вольтер не увидел размаха движения и не понял серьезности этого удара по абсолютизму и крепостничеству в России. Но даже недооценивая крестьянскую войну, видя в ней пустяк, безделицу, с которой российская императрица может легко справиться, Вольтер со всей суровостью осуждал действия повстанцев. Обвиняя Пугачева в преступлении перед русской нацией, он вынес ему жестокий приговор. Как бы обращаясь к Пугачеву, он писал: «Вы тем кончите, что вас повесят, и вы этого вполне достойны. Ибо вы виноваты не только перед... августейшей императрицей, которая бы вас помиловала, но перед целой империей, которая вас отнюдь не простит»<sup>78</sup>.

Но одной жестокости или даже жестокости, соединенной с гибкостью, в политике недостаточно. Народ силен. В будущем государство не всегда сможет справиться с усилившимся противником. Кроме правительственных органов, кроме «страха виселицы» должна быть еще и другая (моральная или нравственная) сила, которая могла бы обуздывать этого «хищного

<sup>71</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 48, p. 476.

<sup>72</sup> Ibid., vol. 45, p. 35.

<sup>73</sup> Ibid., vol. 47, p. 559 (3 décembre 1771 à Catharine II).

<sup>74</sup> Сб. «Вольтер». Л., 1947, стр. 151.

<sup>75</sup> Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, кн. 2, стр. 68—69.

<sup>76</sup> Там же, стр. 70.

<sup>77</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 47, p. 544 (18 novembre 1771 à Catharine II).

<sup>78</sup> Ibid., vol. 49, p. 94 (6 octobre 1774 à Catharine II).

зверя». И такой силой, по Вольтеру, должен быть «страх ада». Суть религии — это борьба с невиновением. А так как восстание — самое яркое проявление невиновения, то основная задача церкви — предотвращать всякое непослушание.

Трудно найти более решительного и неумолимого борца с церковью, чем Вольтер, который без жалости и снисхождения наносил «ненавистной гадине» удары своими антиклерикальными произведениями<sup>79</sup>.

Но было бы ошибкой считать, что Вольтер требовал уничтожения религии. Выступая против католической церкви, он ни в коем случае не предлагал полной отмены религии, поскольку видел в ней крепкую узду для народа, удобное орудие управления людьми. Вольтер не скрывал, что когда он пишет о религии, он выступает как политик, а не как богослов. Для него религия представляет интерес не своими догматами как таковыми, а прежде всего тем, какую пользу эти догматы могут принести обществу. «Взвесив христианство перед богом на весах истины и признав его полную несостоятельность, — писал он, — необходимо сделать то же на весах политики. Ведь существование человека настолько ничтожно, что истина не всегда для него полезна. Если папство следует уничтожить обязательно, то опасно и неразумно делать то же с христианством... Конечно, хорошо было бы низвергнуть поповский идол, на народ еще недостойн этого»<sup>80</sup>.

Вольтер более четко, чем другие просветители, поставил вопрос на практическую почву, а именно: что более выгодно для буржуазии, чтобы народ верил в бога или нет? «Наша главная задача, наш главный интерес состоит, как мне кажется, — писал он, — не в том, чтобы заниматься метафизической аргументацией, а в том, чтобы взвесить, необходимо ли для общего блага людей, этих жалких мыслящих животных, признать воздающего и карающего бога, который служит для нас одновременно уздой и прибежищем, или же отбросить эту идею и предоставить себя во власть бедствий без всякой надежды на лучшее и преступлений без всяких угрызений совести»<sup>81</sup>.

Таким образом, внимательно проанализировав все «за» и «против» ликвидации религии, он пришел к выводу о необходимости ее сохранения. Идея карающего и награждающего бога социально необходима, иначе обществу угрожают «преступления без угрызения совести». Для него «вера в наказание и воздаяние — узда, которая необходима народу»<sup>82</sup>. Более того, Вольтер предлагал оставить суеверия бедноте: «Я рекомендую Вам суеверие. — писал он. — Его нужно разрушить у порядочных людей и оставить только у черни»<sup>83</sup>.

Требование жестоких мер к восставшим, признание необходимости сохранения религии для «черни» объясняются тем, что Вольтера пугали не только сами восстания, не так уж частые в истории, но даже распространение «духа мятежа» и анархии. На примере Фронды он отмечал, как с потрясающей быстротой «дух мятежей и раздоров от двора распространился по всему королевству и заразил все города и все общество»<sup>84</sup>.

В этой связи весьма интересен взгляд Вольтера на польские события 1773 г. Он симпатизировал разделу Польши между своими королевскими друзьями, по-видимому, прежде всего потому, что хотел ослабления

<sup>79</sup> Об отношении Вольтера к церкви см.: К. Н. Державин. Вольтер, 1946; В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958, стр. 23—26.

<sup>80</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 26, p. 299.

<sup>81</sup> Ibid., vol. 18, p. 376.

<sup>82</sup> Ibid., vol. 26, p. 189.

<sup>83</sup> Луи Блан. История Великой французской революции, т. I, стр. 286.

<sup>84</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 173.

католической церкви, а также потому, что видел в этом путь к прекращению чрезвычайных вольностей польских магнатов. Но не исключена возможность, что он одобрял раздел Польши еще и потому, что видел в ней очаг волнений и мятежей, способных распространиться по всей Европе. Недаром он называл польские события «заразой», сравнивая их с эпидемией чумы<sup>85</sup>. Боясь распространения этой «заразы» во Франции (кстати, надо отметить, что опасение было вполне обоснованно, так как много французов участвовало в польском освободительном движении). Вольтер мечтал об установлении в этой мятежной стране сильной королевской власти, которая уничтожила бы, наконец, этот расположенный в центре Европы очаг брожения и недовольства.

Приведенные суждения Вольтера о «мятежах», о революционных выступлениях масс помогают понять, почему он симпатизировал сильной государственной власти. Наиболее часто привлекали его симпатии образы просвещенного монарха и мудрого министра-философа<sup>86</sup>.

Нужно отметить, что несмотря на встречающиеся у Вольтера положительные отзывы об английском парламенте, у него не было желания установить во Франции такой же или подобный ограничивающий права государя орган.

Как и герцог де Сен-Симон, Вольтер считал невозможным созыв Генеральных штатов для разрешения важнейших государственных вопросов, особенно в условиях напряженной обстановки: «Собирать Генеральные штаты, — писал он, — для решения дела о регентстве было бы очень долго, очень трудно, очень *опасно*»<sup>87</sup> (курсив наш. — И. С.).

На протяжении всей своей жизни Вольтер оставался яростным противником парижского парламента (имевшего в отличие от английского парламента только судебные функции, но подчас претендовавшего на роль представительного учреждения), считая его сборищем глупцов и трусов, оплотом реакции и фанатизма, способным лишь тормозить прогрессивные начинания монархов. Нетрудно проследить мотивы такого отношения: парламента, по мнению Вольтера, не мог сам стать достаточно сильной государственной властью. С одной стороны, он был слабее монархии. В годы Фронды, «при слабом правлении, парламента был все, при сильном — ничего не значил»<sup>88</sup>. С другой стороны, парижский парламента не отражал и силы народа.

Решительность и смелость народа в борьбе во время Фронды Вольтер часто сравнивал с нерешительностью и трусостью членов парламента. Он осмелял наиболее ярко проявившееся в период Фронды стремление политических органов, в которых заседали выходцы из буржуазии, к компромиссу с абсолютизмом: «Парламент не знал, чего он хочет и чего не хочет; он то издавал постановления о наборе войск, то грозил, то просил пощады; он обещал награду за голову кардинала Мазарини, а затем его торжественно чествовал»<sup>89</sup>. Такая трусливая позиция парламента дала повод Вольтеру заявить, что «если наши гражданские войны при Карле VII были жестоки, во времени Лиги ужасны, то Фронда была просто смешна» и «не заслуживает ничего, кроме свистков». Более того, «она напоминает мне, —

<sup>85</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 48, p. 2 (1 janvier 1772 à Catharine II).

<sup>86</sup> Исследование всех оттенков мысли и подчас противоречивых высказываний Вольтера о наиболее желательном, с его точки зрения, политическом устройстве не входит в задачу данной статьи. Ряд авторов отмечают его высказывания в пользу республиканского строя. Однако еще чаще мы находим у Вольтера восхваление «просвещенного абсолютизма» или конституционной монархии.

<sup>87</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 15, p. 153.

<sup>88</sup> Ibid., vol. 14, p. 188.

<sup>89</sup> Ibid., vol. 22, p. 104.

заявил он, — школьников, которые взбунтовались против своего директора и кончили тем, что их высекли»<sup>90</sup>.

Вольтер, видимо, предполагал, что в случае народной революции парижский парламент может проявить себя так же, как в период Фронды. Поэтому он с радостью стал на сторону канцлера Мопу, который разогнал парламенты в 1771 г. Вольтер не придавал значения тому, что именно в этот период парижский парламент стал в известной мере знаменем и рупором всех оппозиционных абсолютизму мнений и настроений, оказав сопротивление королевской власти. Но, может быть, в неприязни Вольтера к парижскому парламенту отразилось его отрицательное отношение ко всем органам, ограничивающим королевскую власть, поскольку речь идет о Франции.

Лучшей защитой имущих классов от «ярости черни», лучшим дрессировщиком «дикарей», по его мнению, является просвещенный монарх. Власть последнего должна быть сильной и твердой, однако не доходящей до тирании. В XVI в. именно «тиранство вдохнуло в голландцев отчаяние и принудило их взяться за оружие»<sup>91</sup>. Говоря об английской истории, он отмечал, что «бури бывают там тогда, когда их начинает сам король, пытаясь сделаться хозяином корабля, на котором он лишь первый кормчий»<sup>92</sup>. Иными словами, монарх не имеет права злоупотреблять своей властью, особенно если у него нет достаточной силы. Так, трагедия Карла I состояла в том, что он «был слишком упрямым, чтобы оставить свои намерения, и слишком слабым, чтобы их выполнить... Скипетр выпал из его рук»<sup>93</sup>. Эта слабость стоила ему жизни и привела государство к революции. Монарх должен понимать необходимость некоторых уступок, чтобы не дать разгореться пламени народного гнева. Но вместе с тем эти уступки не должны переходить известных границ, потому что «черни» нельзя дать почувствовать ее собственную силу, ни в коем случае нельзя позволить ей диктовать правительству свои требования — это чревато большими неприятностями. Так, Анна Австрийская, выдав по требованию народа в период Фронды троих членов парламента (они были арестованы как зачинщики бунта), «поощрила бунтовщиков к новым дерзостям»<sup>94</sup>. При решении вопроса, идти или не идти на уступки, в каждом отдельном случае необходим тщательный анализ обстановки, потому что идентичные мероприятия, но проведенные в различных условиях, хотя бы внешне и сходных, могут привести к противоположным результатам. Вольтер развивает эту мысль, на таком примере: «Английский король Карл I потерял голову на эшафоте за то, что в начале осиянения принес в жертву парламенту друга своего, лорда Страфорда; Людовик XIV, удалив Мазарини, сделался спокойным обладателем престола. Так одинаковые послабления были увенчаны различными успехами! Король английский, выдав своего любимца, ободрил народ, дышавший войной и ненавидевший государей; Людовик XIV или, точнее, королева-мать, удалив кардинала, отняла все предлоги к мятежам у народа, утомленного войной и любящего монархию»<sup>95</sup>. Монарх должен прибегать не только к силе, но иногда и к хитрости. Но не всегда помогает и хитрость. Бывает и так, что когда восстание началось и народ разозлен, даже гибкость не дает результатов: «Кардинал Мазарини предполагал, что, покорив с помощью хитрости трибуналы, он сможет погасить бунт; но на

<sup>90</sup> Ibidem.

<sup>91</sup> Ibid., vol. 14, p. 164.

<sup>92</sup> Ibid., vol. 22, p. 104.

<sup>93</sup> Ibid., vol. 14, p. 164.

<sup>94</sup> Ibid., p. 186.

<sup>95</sup> Ibid., p. 204—205.

его гибкость ответили непреклонностью»<sup>96</sup>. Так на примерах истории Вольтер учил, что только мудрость монарха, только учет реальной обстановки в стране могут обеспечить полную власть правительства над народом и спасти государство от потрясений, поскольку «народ никогда мирно и добровольно не повиновался»<sup>97</sup>.

Вольтеру было ясно, что разорвав феодальные оковы и сокрушив абсолютизм, народ в своем революционном порыве может принять и за самовольный передел частной собственности. Этому учил опыт всех революций. В самом деле, ведь всякая революция является ломкой прежних форм собственности, и нельзя быть наперед уверенным, что «легальные» формы этой ломки, т. е. осуществляемой путем законодательства, не будут сметены стихийными захватами и переделами имущества. Таково внутреннее противоречие всякой буржуазной революции: она осуществляет передел собственности, но в то же время утверждает ее неприкосновенность. Как удержать народ в рамках легальных конфискаций и распродаж дворянских земель государственными органами и не допустить передела земель снизу? А ведь Вольтер знал хотя бы по сочинению Ж. Мелье о мечтах, идущих еще дальше. Такие тенденции не на шутку пугали великих буржуазных мыслителей. Они принуждали и Вольтера искать выхода из создавшейся обстановки, искать способа уничтожения феодально-сословного строя путем мирного преобразования общественной жизни, путем реформ сверху.

Чувствуя приближение революции, Вольтер чрезвычайно большие надежды возлагал на «просвещенного» короля, который будет «верховным арбитром народа»<sup>98</sup>, и на его министров, которые, сдерживая злонамеренные начинания монарха, что подчас удавалось в Англии парламенту или сенату в Риме, и проводя либеральные реформы, спасут страну от потрясений и разорения. Поэтому он горячо приветствовал возвышение в 1774 г. Тюрго. Он считал, что при столь напряженной обстановке в стране только реформаторская деятельность министра-просветителя может спасти Францию от революции. Планы Тюрго в течение 10 лет обновить экономику и общественную жизнь Франции вызвали горячую симпатию Вольтера. Он с огромным вниманием следил за всеми реформами Тюрго, искренне огорчался его неудачами, поскольку считал эти реформы последним шансом спасти Францию. «Я не удивляюсь, — писал он, — что мошенники, упившись нашей кровью, встают против Тюрго, который хочет сохранить ее в наших жилах... Но горе Франции, если он оставит свой пост»<sup>99</sup>. Когда повышение цен на хлеб вызвало во Франции голодный бунт 1775 г. и министр-просветитель Тюрго подавил его вооруженной силой<sup>100</sup>, эта расправа с голодной беднотой не вызвала у Вольтера ни тени протеста, ни тени неудовольствия. Тюрго остался для него и после этого идеалом министра, тем более что он показал себя решительным государственным деятелем, способным надеть намордник на «чернь» и тем самым защитить состоятельных граждан от посягательств со стороны народных низов.

Тяжелым ударом для Вольтера было известие о том, что Тюрго лишился власти в мае 1776 г. «Франция была слишком счастлива. Я сражен и в отчаянии»<sup>101</sup>. «Я, видевший зарождение этого золотого века, который Тюр-

<sup>96</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14, p. 184.

<sup>97</sup> Ibid., p. 173.

<sup>98</sup> Ibid., vol. 22, p. 103.

<sup>99</sup> Ibid., vol. 49, p. 171 (19 décembre 1774 à M. de Lalande).

<sup>100</sup> См. В. С. Люблинский. Вольтер и «Мучная война». В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей в память Е. В. Тарле. М., 1957, стр. 135—147.

<sup>101</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 50, p. 47 (15 mai 1776 à M. De Vaines).

го нам подготавливал, никогда не утешусь, видя его гибель. После того как Тюрго покинул свой пост, я вижу перед собой одну только смерть. Все это словно громовой удар поразило мой мозг и мое сердце»<sup>102</sup>. В этом отчаянии выражено все отношение Вольтера к прядущей революции. Зная тревожность положения в стране, он хотел, чтобы перестройка общественной жизни была проведена сверху мирным путем в интересах буржуазии и чтобы главная роль в этом процессе принадлежала просвещению, философии, а не революционному действию.

Великий просветитель видел во всех прошлых гражданских войнах преимущественно разрушительную силу, которая, по его мнению, обычно надолго отбрасывала народы обратно к варварству. «Большинство искусств водворяется с таким трудом,— писал он,— а революции так часто разрушают здания, что должно удивляться, если большая часть народов живет не так, как татары»<sup>103</sup>. Эту мысль Вольтер подтверждал и на примере английской революции XVII в.: «Во времена Кромвеля место всякой науки и литературы занимало подыскивание текстов из Старого и Нового заветов и применение их к политическим распрям и самым кровавым переворотам»<sup>104</sup>.

Более того, гражданские войны, по его мнению, не только пагубно отражались на искусствах и науках, но и серьезно препятствовали преобразованиям в государстве. В «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» он особо подчеркивал, что причина варварского состояния России заключалась прежде всего в том, что народные восстания и смуты не давали возможности государям проводить прогрессивные реформы<sup>105</sup>.

Поэтому Вольтера страшило приближение революции. Он представлял ее себе периодом ужаса, когда будут отсутствовать и разум и справедливость. В одном из своих последних произведений «Путешествие Разума» он доказывал, что наступающий период грозит разрушением Франции. Главный герой этого произведения Разум, путешествующий по стране со своей дочерью Истиной, во время канцлерства Тюрго говорит ей: «Насладимся этими славными днями, пока они длятся, а когда наступит буря, возвратимся к своему источнику»<sup>106</sup>. В частном письме де Ла Гарпу из Швейцарии 1 марта 1776 г., в момент зенита славы Тюрго и незадолго до его падения, Вольтер взволнованно писал: «Вы живете в необычайное время, среди поразительных контрастов. Разум с одной стороны, бессмысленный фанатизм — с другой; справа лавры, слева костры; с одной стороны храм славы, а с другой — приготовления к Варфаломеевской ночи; такой генеральный контролер, который жалеет народ и такой парламент, который хочет раздавить его; *гражданская война у всех на уме*, заговоры во всех кабаках... *спасайся, кто может!* (курсив наш.— И. С.). Что до меня, то я нахожусь еще недостаточно далеко»<sup>107</sup>.

Итак, Вольтер не был сторонником изменения существующего порядка путем революционных движений снизу. Он видел все недостатки старого строя, он требовал его изменения, но не хотел активного участия «черни» в этих преобразованиях. Даже говоря о приближении революции, Вольтер все же надеялся на перестройку старых феодальных порядков путем

<sup>102</sup> Ibid., p. 32 (10 juin 1776 à M. de La Harpe).

<sup>103</sup> Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, стр. III.

<sup>104</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 13, p. 85.

<sup>105</sup> Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого, кн. 1, стр. 137.

<sup>106</sup> Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 21, p. 522.

<sup>107</sup> Ibid., vol. 49, p. 537—538.



реформ, путем компромиссов просвященной буржуазии с абсолютизмом. В противоположность Ж. Мелье или Ж.-П. Марату он не хотел вооруженного восстания народа, он боялся непомерной активности и решительности народа, для которого требовал крепкой узды, способной предотвратить революцию.

Как правильно отметил немецкий историк Д. Штраус, Вольтер придерживался лозунга: «Лучше исправлять здание, а не разрушать его»<sup>108</sup>.

И все же нельзя забывать, что Вольтер, хотя он непосредственно не призывал народ к насильственному свержению прогнившего режима, своими произведениями бесспорно содействовал свержению последнего. Своей антифеодальной и антиклерикальной пропагандой, пропагандой идей свободы, равенства и просвещения, даже в том ограниченном значении, которое он в них вкладывал, он идейно готовил почву для крушения старого строя.

Субъективно противник революционного преобразования общества, Вольтер объективно, сам не сознавая этого, способствовал наступлению Французской буржуазной революции 1789—1794 гг.— великой демократической революции XVIII в.

---

<sup>108</sup> Д. Ш т р а у с. Вольтер. М., 1900, стр. 142.